

РУССКО- КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

том 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

РУССКО- КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

Материалы и документы

В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1972

**РУССКО-
КИТАЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XVII ВЕКЕ**

Том 2

1686 * 1691

Составление и обработка текста
Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
С. Л. Тихвинский

Редактор
доктор исторических наук
Л. И. Думан

ВТОРЖЕНИЕ МАНЬЧЖУРОВ В ПРИАМУРЬЕ И НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР 1689 г.

Еще в первой половине XVII в. между Русским государством и Китаем пролегли огромные территории, заселенные кочевыми и полукочевыми народами, большинство из которых не имело стабильных государственных образований. Одновременно с присоединением русскими Восточной Сибири и выходом их в район Амура Китай был захвачен вторгшимися в него из юго-восточной Маньчжурии армиями завоевателей-маньчжуров, основавших Цинскую империю. В начале второй половины XVII в. районы к югу от Амура становятся зоной параллельного проникновения русских и маньчжуров. Маньчжуры и раньше совершали сюда походы, но не пытались здесь закрепиться.

В этот период левобережье Амура и отдельные территории на правом берегу в хозяйственном и административном отношении стали частью Русского государства. Рубежи владений Цинской империи на севере проходили по так называемой линии Ивового палисада, отстоявшей на сотни километров к югу от Амура. Как указывают китайские источники, и в частности «Любянь цзилюе» («Записки об Ивовом палисаде»), даже Нингута и Цилинь [Гирин] с прилегающими к ним обширными территориями не включались маньчжурами в административном отношении в состав Цинской империи, а считались внешними территориями¹. Пограничная линия Ивового палисада была значительно укреплена, выезд же за нее строго регламентировался выдачей специальных пропусков даже для солдат и офицеров восьмизнаменных маньчжурских войск, отправлявшихся за границу для охоты и других промыслов².

Тот же источник («Любянь цзилюе») признает, что территории на севере, расположенные ближе к Амуру, «не внесены в территорию империи и большую часть их занимают земли цими»³, что дословно переводится «земли связывания (сковывания) сил».

Стремясь оградить свою вотчину — Маньчжурию (как и весь Китай) зоной малонаселенных полувассальных территорий, маньчжурские фео-

¹ См. Г. В. Мелихов, *К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.*, — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 113—114. Японский историк Дзинъити Яно также подчеркивает, что «в начале правления Цин рубежи распространения маньчжуров ограничивались пределами, очерченными линией Ивового палисада» [Дзинъити Яно, *Мансю: коку рэкиси (История Маньчжоу-го)*, Токио, 1933, стр. 171].

² Эти сведения взяты Г. В. Мелиховым из «Бацзи тунчжи чуцзи» («Описания восьми знамен»), Пекин, 1739, гл. 21, стр. 1а — 1б.

³ Цит. по: Г. В. Мелихов, *К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.*, стр. 118.

дальные правители пытаются распространить сферу земель «цзими» и на Приамурье, вытеснить русских с берегов Амура, прибегнув для этого к прямой вооруженной агрессии. При этом цинское правительство, уповая на военное превосходство в этом районе, объявило о притязаниях на огромные территории в Приамурье и Забайкалье.

В начале 1682 г. русские переселенцы узнали от дауров, что цинское правительство готовится к войне в Приамурье. Речь шла о военных экспедициях против казачьих отрядов, защищавших русские поселения на Амуре. Маньчжурское правительство знало, что оно посягает на территорию Русского государства, но, взвесив реальное соотношение сил в рассматриваемом районе, цинские власти решили положиться на численное превосходство своей армии, значительно меньшую по сравнению с русскими протяженность снабжающих ее коммуникаций и фактор внезапности. В поход на русские владения помимо маньчжурских, восьмизнаменных войск маньчжуры намеревались послать монгольскую конницу. Подчиненные цинским властям племена глубинных районов Маньчжурии должны были поставить людские резервы для строительства транспортных путей и заготовки провианта. Начало военных действий намечалось на середину весны 1682 г., когда под русские остроги должна была подступить «конница легкая в большом собраньи, а достальная де богдойская сила будет водяным путем в бусах с хлебными запасы и с огненным оружием и с пушками и со всякими воинскими припасы»⁴.

Но подготовка цинской армии затянулась, лишь осенью маньчжуры решились произвести разведку. Императорский указ от 4 сентября 1682 г. сановникам Лантаню и Пэнчуню гласил: «Подданные Русского государства беспокоят страны, прилежащие к Амуру, притесняют наших охотников и тамошних жителей. Ранее против них посылались войска, но эти войска не могли усмирить их⁵. Теперь, по слухам, русские необычайно усилились, переправились через реки Нимань и Хэнкунь⁶, достигли стоянок охотников из племен хэцжэ и фэйяка и непрерывно убивают и грабят их⁷. Кроме отряда телохранителей, который пойдет с вами из Пекина, вы по дороге возьмете еще сто корциньских солдат и 80 солдат из Нингуты и направитесь в земли дауров и солонов. Оттуда вы отправите людей в Нерчинск под предлогом охоты на оленей, а сами, внимательно исследуя путь и занимаясь охотой по берегу Амура, доберетесь до Албазина и детально осмотрите его укрепления. Вероятно, русские не посмеют напасть на вас, и если они пришлют вам подарки, то примите и сами одарите их. Если же они нападут на вас, то не принимайте боя, а, собрав своих людей, вернитесь, о дальнейших мерах я позабочусь сам»⁸.

В первых числах ноября Лантань в сопровождении 800 солдат прибыл к Албазину. Албазинцы догадались об истинной цели их визита и стали спешно укреплять острог, в котором ощущалась острая нехватка людей, провианта и оружия. Маньчжуры же, отойдя от острога,

⁴ В. Паршин, *Поездка в Забайкальский край*, ч. 1, М., 1844, Приложение 8, стр. 147—149.

⁵ Имеются в виду нападения маньчжурских отрядов на Ачанский и Кумарский остроги и стычка их с казаками Онуфрия Степанова на Сунгари (см. «Русско-китайские отношения в XVII в. 1608—1683», т. I, док. № 61, 80, 103).

⁶ Нимань и Хэнкунь — притоки Амура Бурей и Амгунь.

⁷ Канси использует традиционный прием обвинения в насилии, чтобы самому, согласно китаеццентристским воззрениям, выступить в качестве верховного владыки и защитника «подданных», а на деле иметь предлог для вооруженного вмешательства.

⁸ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн (Описание Северного района)*, Пекин, 1881, цз. 5 (вводный), стр. 1. Г. В. Мелихов цитирует этот указ по «Шэнцзу Жэньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении императора Шэнцзу Жэньхуанди») и «Бацзи тунчжи чуцзи», — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», стр. 119 и 121.

начали уничтожать мелкие группы русских крестьян и охотников, которые жили близ побережья Амура⁹.

Реальность маньчжурской угрозы заставила царское правительство провести ряд мероприятий для укрепления обороны Приамурья и отражения попыток маньчжуров вторгнуться в русские владения. В 1682 г. в Нерчинск был назначен воеводой способный военачальник И. Е. Власов. Тогда же в Приамурье было образовано Албазинское воеводство, первым воеводой в Албазине стал Алексей Толбузин¹⁰. В Москве был произведен подсчет людских сил и ресурсов, которыми Россия располагала в районе возможного театра военных действий и вообще в Сибири. Результаты оказались следующими: во всей Даурии насчитывалось около 2 тыс. служилых людей, 21 пушка, 485 пищалей, 143 пуда свинца; всего в Сибири находилось приблизительно 4—5 тыс. служилых; мобилизационные возможности за счет пашенных крестьян оценивались приблизительно в 25—30 тыс. ратников¹¹. Поскольку соотношение сил было не в пользу русских войск, а на помощь центральных районов не приходилось рассчитывать не только из-за дальности расстояния, но и в связи с подготовкой похода против Крымского ханства, русские власти решили максимально использовать мирные средства для удержания края, предписав воеводам готовиться к обороне, но самим стараться не вызывать конфликтов.

Между тем Цины активизировали подготовку к военным действиям. Произведя рекогносцировку, Лантань донес, что для «усмирения» русских достаточно не более 3 тыс. солдат. Император приказал повременить с нападением на русские остроги, тщательно подготовить армию, выделив из Нингуты и Гирина по 1500 солдат и снабдив их огнестрельным оружием. Прибыв в Айгунь, солдаты должны были произвести запашку, кроме того, следовало у населения собрать провиант, которого бы хватило на 3 года¹².

В марте 1683 г. последовал ряд императорских указов о постройке судов и доставке провианта по Сунгари и другим рекам к Амуру. Примечательно, что, отдавая эти распоряжения, и император и Военный совет (Цзюньцзичу) специально указывали, что суда с провиантом «внутри границы должны конвоировать наши солдаты, а вне границы — монгольские»¹³. Таким образом, не только Приамурье, но и районы значительно южнее него продолжали рассматриваться маньчжурским правительством как области, лежащие вне границ Цинской империи.

В апреле Канси распорядился перевести армию на Амур, однако начать военные действия против Албазина было запланировано в сентябре, а может быть, и позднее¹⁴. Хотя в Нерчинске стало известно о крупных передвижениях цинских войск еще в конце марта¹⁵, но фудутун Сабсу, назначенный командующим войсками для захвата Приамурья, не рвался в бой. В октябре он донес в Пекин, что зимой открывать военные действия трудно, и предложил перенести их начало на весну следующего года. Императору Канси пришлось согласиться, но он отдал распоряжение учредить постоянный гарнизон в Айгуни, соединив Айгунь с Нингутой системой почтовых станций¹⁶.

⁹ См. ЦГАДА, ф. Нерчинская приказная изба, д. № 12, лл. 143—145.

¹⁰ См.: П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, М., 1958, стр. 119.

¹¹ Там же, стр. 120—121.

¹² Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 5 (вводный), стр. 2а.

¹³ Там же, стр. 2б.

¹⁴ Там же, стр. 3а—3б.

¹⁵ Архив ЛОИИ, Якутские акты, карт. 35, стлб. 8, лл. 112—114.

¹⁶ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 5 (вводный), стр. 4—5. Сабсу настолько неохотно готовился к войне, что был замещен фудутунем Пэнчунем. Подробнее о подготовке

Еще в июле 1683 г. маньчжурам удалось захватить в плен группу казаков во главе с Григорием Мыльниковым¹⁷. В сентябре двое из них были отпущены на родину с грамотой из Лифаньюаня, возвещавшей, что цинские войска направляются в Приамурье, и ставившей русским ультиматум: «Либо вы оставите в покое наши границы, вернетесь к себе на родину и отдадите наших перебежчиков и на этом все будет покончено, либо, в противном случае, и мы будем принимать ваших перебежчиков и вообще всякого, кто бы ни попался, хватать и предавать смерти»¹⁸.

Когда в июне следующего года казаки прибыли с этой грамотой в Албазин, цинские войска уже шли к русскому острогу войной, по Амуру на судах плыла пехота численностью около 5 тыс. человек и вооруженная большим количеством пушек («100 полковых да 40 ломовых больших и гранаток»), а по берегу следовала конница, насчитывавшая свыше тысячи всадников. Часть войск направилась к Нерчинскому и Селенгинскому острогам. В Албазине в начале осады оказалось лишь 350 человек «всяких чинов людей», но А. Толбузин был полон решимости держаться сколько возможно¹⁹.

Узнав об осаде Албазина, нерчинский воевода И. Е. Власов смог послать на помощь албазинцам лишь 100 человек и 2 пушки (из имевшихся в его распоряжении 331 нерчинских и приезжих служилых и промысленных людей)²⁰. Но еще не успела подойти помощь, а половина защитников Албазина уже погибла, у оставшихся кончились воинские и съестные припасы. Тогда А. Толбузин решил сдать острог с условием, что оставшихся в живых маньчжуры пропустят в Нерчинск²¹. Командовавший цинской армией фудутун Пэнчунь сначала настаивал на том, чтобы русские ушли не в Нерчинск, а в Якутск²², но затем пропустил А. Толбузину с 300 албазинцев (мужчин, женщин и детей) вверх по Амуру, около 30 казаков отправились через Олекму в Якутск и лишь двое поддалились на призыв цинских властей — «изменили и остались у китайцев»²³.

Маньчжуры торжествовали победу. Последовало несколько императорских указов о награждении отличившихся и о значении овладения Албазином, при этом Канси подчеркивал, что «нынешняя война на первый взгляд кажется маловажною, но на самом деле она чрезвычайно важна. Русские более 30 лет беспокоили места, лежащие по Амуру и Сунгари, земли, которыми они владели, весьма близки к месту проис-

маньчжурами театра военных действий см.: Г. В. Мелихов, *К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.*, стр. 121—127.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, 1685, стлб. 1, лл. 37—40; оп. 2, 1685, стлб. 1, лл. 29—30.

¹⁸ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 5 (вводный), стр. 36—4а. В феврале следующего года в низовье Амура был отправлен отряд из 300 человек с четырьмя пушками, чтобы «напасть на русских и истребить их». Нингутинский цзянцзюнь Сабсу приказал командирам отряда: «Если же русские, услышав о приближении отряда, заранее уйдут, то отряд, воспользовавшись этим случаем, пусть умиротворит тамошних хэчжэнь и других туземцев, которые еще не совсем покорны нам» [Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 6 (вводный), стр. 1].

¹⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, 1685, стлб. 1, лл. 37—40.

²⁰ Причем из оставшихся 231 человека лишь 118 были служилыми (ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685, стлб. 1, лл. 47—46).

²¹ Там же, лл. 29—36; В. Паршин, *Поездка в Забайкальский край*, стр. 162—170.

²² Прибыв на место, Пэнчунь должен был объявить русским императорский указ, предлагавший им «немедленно возвратиться в Якутск и, признав это место границей, ловить там соболей и брать ясак, не входить снова в мои (цинские.— В. М.) владения с недобрыми делами и возвратить перебежчиков». В случае исполнения этого требования император обещал возвратить русских пленников и разрешить меновую торговлю на границе [Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 6 (вводный), стр. 3а—3б].

²³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685, стлб. 1, лл. 34—36.

хождения нашего дома, если бы мы не пресекли эти беспорядки, то надобно было опасаться, что пограничные жители не будут спокойно жить»²⁴. Но даже после взятия Албазина маньчжуры не смогли закрепиться в этом районе, а отошли назад к Айгуни. Но и Айгунь была слишком удалена от их владений. В августе 1685 г. было приказано дополнительно связать Айгунь цепью почтовых станций с Гирином, при этом местные власти донесли, что «после тщательного измерения пятифутовой мерой оказалось, что от прежней границы до Айгуни 1340 ли, необходимо учредить 19 станций»²⁵. Вместе с тем цинское правительство начало возводить дополнительные укрепления на правом берегу Амура, назначив в них постоянные гарнизоны и военную администрацию.

Но русские уже в августе 1685 г. начали возвращаться на старое место восстанавливать Албазин, вокруг которого на полях стоял неубранный хлеб. В помощь А. Толбузину был послан опытный военачальник А. И. Бейтон²⁶.

Одновременно с этим правительство, получив сведения о событиях под Албазином, решило мирно урегулировать возникший конфликт, поскольку оно не располагало достаточными военными силами, чтобы отстоять Приамурье, и его внимание в значительной степени отвлекалось борьбой за укрепление западных и южных границ против крымских татар и Турции. В район военных действий в Приамурье должно было направиться «великое и полномочное» посольство, имевшее целью заключить договор о мире, открытии торговли и установлении границы между Русским государством и Цинской империей.

Для уведомления маньчжурского правительства об этом решении в декабре 1685 г. из Москвы в Пекин отправляются гонцы — подьячие Посольского приказа Никифор Венюков и Иван Фаворов, ездившие в столицу Китая еще с посольством Н. Спафария. Теперь они должны были доставить императору Канси грамоту царей Ивана и Петра²⁷.

Гонцы были еще в Томске, когда цинские власти, получив сообщение о возвращении А. Толбузина в Албазин, вновь отправили войска для взятия русского острога²⁸. На этот раз против 500 защитников Албазина выступил 2-тысячный отряд при поддержке 400 фуцзяньских щитников²⁹.

Узнав из царской грамоты о мирных предложениях русской стороны³⁰, цинские власти предложили Венюкову и Фаворову написать в Албазин, «чтоб те служилые люди из Олбазина вышли в свои края, в Нерчинской да в Якуцкой, а то место б оставили в пусе и жили и промыслы чинили в своих местах»³¹. После долгих переговоров русские посланцы отправили в Албазин письмо с условием, что осада с острога будет снята. Но в письме они лишь предостерегали албазинцев, как бы маньчжуры, «обнадежа мирным постановлением, над городом какова дурна не учинили»³². В ноябре 1686 г. русская миссия во главе с Венюковым и Фаворовым покинула Пекин.

Десятимесячная осада Албазина не принесла успеха маньчжурскому оружию, в августе 1687 г. цинские войска отступили от города. Импе-

²⁴ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 6 (вводный), стр. 46.

²⁵ Там же, стр. 56. В тексте буквально: «От Гирина в уласских (название одного из маньчжурских родов.— В. М.) пределах до Айгуни...». Под «прежней границей» понималась граница маньчжурских владений по Ивовому паисаду.

²⁶ См.: В. Паршин, *Поездка в Забайкальский край*, стр. 170—171.

²⁷ См. ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685, стлб. 1, лл. 231—264.

²⁸ См.: Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 7 (вводный), стр. 1а—1б.

²⁹ Там же, стр. 1а.

³⁰ См. ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 8, л. 21 об.—23.

³¹ Там же, л. 104.

³² Там же, л. 110 об.

ратор приказал цзянцзюню Сабсу до наступления холодов отвести войска в Айгунь и Мэргень для отдыха людей и починки снаряжения, в важных пунктах маньчжуры оставили сторожевые посты, а в осажденный острог было послано сообщение, что «войска отводятся вследствие того, что белый царь прислал посла с просьбой о мире»³³. В это время великий и полномочный посол окольничий и воевода Федор Алексеевич Головин находился уже в пути к месту посольского съезда.

* * *

Решение о назначении Ф. А. Головина послом «для договоров и успокоении ссор китайского богдыхана» состоялось еще в январе 1686 г. Товарищами его были определены нерчинский воевода И. Е. Власов и енисейский дьяк И. Юдин. Свита посла состояла из 20 человек, с ним же в Даурию из Тобольска направлялся полк служилых людей из разных сибирских городов численностью 1400 человек³⁴.

Инструкция, данная Ф. А. Головину из Посольского приказа, требовала, решительно отклонив притязания маньчжуров на Даурию, добиться заключения договора об установлении мира в Приамурье, разграничения владений обоих государств и открытия торговых отношений. При этом подчеркивалась неправомерность попыток цинского правительства завладеть землями в районе Албазина, Нерчинска и других острогов, так как эти территории «никогда во владении богдыханова высочества не бывали, а жили на той земле ясачные люди», платившие ясак русским. Границей же владений Русского государства и Цинской империи предлагалось установить р. Амур как естественный водный рубеж, обеспечивающий устойчивое положение в приграничной полосе³⁵.

Однако русское правительство понимало неравенство в соотношении сил в указанном районе и предписывало добиваться осуществления этих требований скорее мирными средствами, нежели военной силой³⁶. Поэтому дополнительные статьи инструкции предусматривали возможное изменение позиции русской стороны во время переговоров и ряд существенных уступок в пользу Цинов. Так, в случае категорического отказа маньчжуров признать границей Амур Ф. А. Головин должен был предложить границу по Амуру до Буреи и Зеи. Если же и этот вариант будет отклонен, то границу предлагалось провести в районе Албазина, а в нижнем течении Амура, по Бурее и Зее оставить совместные промыслы³⁷.

При отклонении противной стороной русских предложений посол должен был заключить временное перемирие и готовиться к военным действиям. Предполагалось развернуть военные действия в случае неявки цинских представителей на переговоры и отказа цинского правительства вернуть разоренные остроги³⁸.

Трудности проезда через Сибирь и ранний ледостав на Енисее не позволили русскому посольству в том же году прибыть на границу. Головину пришлось зазимовать в Рыбинском острожке на Ангаре. Здесь он и получил извещение о результатах поездки в Пекин Н. Венюкова и И. Фаворова. В этот период стало ясно отношение к посольским пере-

³³ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 7 (вводный), стр. 26.

³⁴ Публикуемый статейный список, лл. 1/3—2/4. В ноябре И. Юдин был заменен енисейским же дьяком С. Корницким (там же, л. 77/79).

³⁵ ЦГАДА, ф. Сношение России с Китаем, кн. 9, лл. 53—54.

³⁶ См. там же, лл. 57—58.

³⁷ См. там же, л. 87.

³⁸ См. там же, л. 93.

говорам цинского правительства. Цзаргучей, сопровождавшие Венюкова и Фаворова, сообщили им, что «хан их зело миру желает» при условии, «чтоб Албазину, конечно, за великими государи не быть, а до Нерчинского им и до Селингинского дела нет». Причем инициативу в мирном урегулировании конфликта, проявленную русским правительством, Цины были склонны рассматривать как проявление слабости: «А как де хан из грамоты выразумел, что великие государи шлют послов своих, тогда де они себе размышляли, что великие государи от войск китайских имеют опасение, и для де того, чтоб до большой войны не дошло, великих послов и шлют. А естли бы де великие государи послов своих в грамоте не обещали, то было и хан своих послов послать к великим государем хотел»³⁹.

Ф. А. Головин (масло, Московский Государственный исторический музей)

В императорской же грамоте, посланной русским царям с Венюковым и Фаворовым, маньчжуры информировали царское правительство о прекращении военных действий в Приамурье и ожидании посла, направленного «на ограничение и советование о рубежах и границах»⁴⁰.

Лишь 15 мая 1687 г. посольство смогло продолжить свой путь. Афанасий Бейтон, заменивший в Албазине убитого А. Толбузина, довел до сведения Головина, что цинские войска, всю зиму простоявшие лагерем вокруг острога, ушли вниз по Амуру на Зею, маньчжуры потеряли под Албазинном 1500 человек, но и из «осадных сидельцев» в живых осталось только 66 человек, включая детей. Уходя, цинские военачальники говорили провожавшим их албазинским служилым людям, чтобы те «в Албазине дворами и всякими заводы строились по-прежнему; а бугдыханово де высочество... желает быть в мирном поставлении навеки, и чтоб де русские люди их, китайских людей, ни в чем не опасались»⁴¹.

Получив известие о результатах миссии Н. Венюкова и И. Фаворова, в Москве еще раз обсудили ситуацию в Приамурье, и Головину была послана новая инструкция, полученная им в конце сентября 1687 г. в Удинском остроге. Эта инструкция подтверждала ранее данную почти по всем пунктам: 1) добиваться, чтобы между «Даурскою страной и меж Китайским государством границею постановить и в крепости напи-

³⁹ Публикуемый статейный список, лл. 104/106—104/106 об.

⁴⁰ Там же, л. 165/167 об.

⁴¹ Там же, л. 285/290—285/290 об.

сать реку Амур»; 2) если же цинские представители «границею той реки Амура учинить не похотят, и им, великим послом, договариватца, чтоб учинить граница рекою Амуром по реку Быструю (т. е. Бурею.— В. М.) или Зию»; 3) при отклонении и этого варианта разграничения договора «всячески, чтоб быть границею Албазину. А промыслы иметь по реке Амуру и по те вышеписанные реки Быструю или Зию». Дальнейшие же пункты предусматривали новые уступки русской стороны: в случае отказа цинских послов признать границу по Албазину царское правительство соглашалось, «чтоб в Албазине острогу и поселению и в том месте ратным людям с обеих сторон... ныне и впредь не быть и нынешнее строение снести и ратных людей вывести», но иметь в этих местах совместные промыслы. Причем соглашение по этой статье могло быть заключено только «по самой нужде и по последней мере»⁴².

Непринятие и этого самого крайнего варианта по новой инструкции не должно было служить поводом к открытию военных действий; послу следовало предложить цинским представителям отложить разграничение на неопределенный срок до нового посольского съезда, ведя переговоры «пространными и любовными разговорами», «а войны и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглова наступления, отнюдь не всчинать и задоров ратным и иных чинов людям до совершения тех дел чинить не велеть. И в том учинить заказ под смертною казнию»⁴³.

Уступчивость царского правительства была вызвана желанием как можно скорее разрешить конфликт в Приамурье, что было обусловлено не только анализом положения в Даурии, но и чисто внутриполитическими соображениями: борьбой за власть царевны Софьи, а также неудачами в военных действиях против Крыма⁴⁴.

Одновременно царское правительство пыталось подействовать на цинский двор и при помощи монгольских владетелей. Выяснив из отчета Венюкова и Фаворова, что хутухта старается удерживать отдельных феодалов, стремящихся к нападению на русские остроги, в Посольском приказе заготовили грамоту к хутухте с изложением обстоятельств столкновения с Цинской империей и с просьбой повлиять при переговорах на маньчжурских представителей с тем, чтобы граница была установлена по Амуру и цинские власти не настаивали на выдаче Гантимура⁴⁵.

Узнав о прибытии в Забайкалье великого русского посольства, Ундургээн хутухта и Очирой Саин-хан прислали к Головину своих послов, для того чтобы разведать задачи и намерения русских, а также объявить, что хутухта и хан согласны пропустить через свои владения небольшое число русских посланцев, которые могут быть отправлены Головиным в Пекин для предварительного извещения. В ходе переговоров в Удинске монгольские представители высказывали просьбу о возвращении им бурят, откочевавших в русские пределы. Но, несмотря на отказ Головина по этому вопросу, встреча его с монгольскими представителями была вполне успешной, так как позволила установить желаемый контакт с хутухтой и Очирой Саин-ханом⁴⁶.

28 сентября 1687 г. Ф. А. Головин решил известить о своем прибытии цинских военачальников, находившихся под Албазином, и отправил к

⁴² Там же, лл. 248/253—252/257.

⁴³ Там же, лл. 251/256—251/256 об.

⁴⁴ См.: П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, стр. 147.

⁴⁵ См. ЦГАДА, ф. Монгольские дела, оп. 1, 1687, д. № 1, лл. 2—3. Ф. А. Головину еще в первом варианте инструкции предписывалось отказать в выдаче Гантимура, как принявшего христианскую веру (ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, кн. 9, л. 64).

⁴⁶ См. публикуемый статейный список, 254/259 об.—279/284 об.

ним с этой целью тобольского служилого человека Ивана Качанова⁴⁷. Трудно понять, на что рассчитывал Головин, ибо он к этому времени уже знал, что цинские войска ушли из-под острога⁴⁸. Качанов должен был договориться о посольском съезде, и в частности настаивать на том, чтобы послов сопровождало не более чем по 500 человек, «чтоб в том с обеих сторон лишних убытков не было»⁴⁹ (на самом деле Головин и не располагал большим числом людей).

После отъезда Качанова посол вновь получил известия от нерчинского воеводы И. Е. Власова, что цинские войска отошли от Албазина и не собираются возвращаться к острогу; тогда он приказал Качанову вернуться обратно в Удинск⁵⁰.

В это же время Головин принял решение, сильно повредившее в дальнейшем успеху посольства. Вместо того, чтобы продвинуть имевшиеся у него войска к Нерчинску и Албазину и заняться укреплением позиций русских в Даурин, он решил зимовать в Удинском остроге, расположив здесь же и свой полк. Головин так оправдывал это решение: во-первых, в даурских острогах, считал он, труднее с хлебными припасами и сложнее их доставка туда, а во-вторых, из Удинска ближе проезд через Селенгинск и Моңголию до пограничных маньчжурских городов и поэтому «не похотят ли они, китайские послы, съезжаться близ Селенгинского острогу?»⁵¹.

Хотя П. Т. Яковлева считает, что «едва ли от того, что Головин приехал бы в Нерчинск ранее посольства Канси, могло сколько-нибудь существенно измениться соотношение сил»⁵², однако нам кажется, что упрек в излишней медлительности, не раз высказывавшийся Головину историками⁵³, вполне справедлив. Решив дожидаться известия о цинском посольстве в Удинске, Головин выпустил из своих рук инициативу, а его предположение о посольском съезде в Селенгинске вообще было ошибочным, так как Селенгинск находился на границе с Монголией и назначение здесь переговоров вдали от объекта разграничения было бы на руку только маньчурам, так как к их территориальным притязаниям прибавлялись бы еще и домогательства монгольских ханов о возвращении им бурят, кочевавших в этом районе. Как показал дальнейший ход событий, цинским представителям действительно удалось спровоцировать даже вооруженные нападения монголов на Селенгинск и другие остроги Забайкалья.

Боязнь транспортных и продовольственных трудностей не выглядит убедительным доводом в пользу Головина. Ведь этим же маршрутом уже проехало посольство Спафария. Как уже отмечалось выше, для обороны русских острогов в Приамурье прежде всего не хватало людских сил, а Головин своим решением остаться в Забайкалье не дал возможности укрепить Нерчинск и Албазин, где в любой момент можно было ожидать

⁴⁷ См. там же, л. 280/285 об.

⁴⁸ См. там же, лл. 202/204 об.— 208/210.

⁴⁹ Там же, л. 282/287.

⁵⁰ См. там же, л. 289/294.

⁵¹ Там же, л. 289/294 об.

⁵² П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, стр. 158.

⁵³ Н. Н. Бантыш-Каменский считал, что если бы русский посол прибыл в Нерчинск раньше маньчжуров, то у него была бы реальная возможность установить границу в Албазине (см.: Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год*, Казань, 1882, стр. 61). В. П. Васильев также подчеркивал, что Ф. А. Головин «сделал ту важную ошибку, что, вместо того чтобы явиться на театр действия в Албазине, предпочел переговариваться с китайскими уполномоченными в Нерчинске» и этим привлек неприятеля к новому пункту (В. П. Васильев, *Открытие Китая*, СПб., 1900, стр. 65).

появления маньчжурских войск. Конечно, он не мог создать численного перевеса войск, противостоявших цинским отрядам, но успешная оборона Хабаровым Ачанского острога и Бейтоном Албазина уже показала, что даже сравнительно небольшие отряды служилых людей могут отражать натиск цинских армий, имевших значительное численное превосходство. Однако в течение почти года (с лета 1687 по лето 1688) Головин не предпринимал практических мер по организации обороны Приамурья и Даурии.

Медлил Головин и с отправлением гонца в Пекин для оповещения о готовности русских начать переговоры. В октябре 1687 г. он отправился в Селенгинск, где в течение почти всей зимы вел переговоры с посланцами монгольских тайшей о возвращении угнанного скота и других мелких инцидентах. Лишь в конце ноября он направил в китайские пограничные города посольского дворянина С. Коровина, снабдив его грамотой, гласившей, что великий и полномочный посол «прибытие свое имеет в пограничных городех их царского пресветлого величества, ожидая на съезде для вышеписанных договоров и вечного умирения и покою обоих государств ссорах государя вашего, его бухдыханова высочества, послов вскоре»⁵⁴.

Подав эту грамоту в каком-либо пограничном городе Цинской империи, С. Коровин должен был договориться о численности посольской свиты на съезде (по 500 человек). На вопрос же о ратных людях, сопровождавших русского посла, ему предписывалось отвечать, что войска с послом идут лишь «для обережения их посольской особы, как обычай в Московском и в-ыных окресных государства при послах тому надлежит быти, а не воинским поведением»⁵⁵. Это давало маньчжурам ценную информацию о сравнительной малочисленности русского военного отряда и его намерениях. Вместе с Коровиным к Ундур-гэгэну был направлен Иван Качанов.

Когда русские представители прибыли в ургу, оказалось, что там все лето жил цинский чиновник (цзаргучей), ожидавший вестей о прибытии русского посольства. С ним на имя Головина была прислана императорская грамота, сообщавшая, что цинское правительство готово вступить в переговоры⁵⁶. Пока эту грамоту с послами хутухты отсылали Головину и ждали его ответа, Коровину пришлось задержаться в урге.

В начале января 1688 г. в Селенгинск прибыли монгольские послы от брата Очирой Саин-хана Батура-хунтайджи, предложившие Головину устроить посольский съезд. Но это была ловушка. На самом деле многочисленное монгольское войско уже окружило Селенгинский острог, а русского посла хотели выманить из города, чтобы захватить в плен. Монгольские феодалы пошли войной на русские остроги, чтобы силой оружия попытаться вернуть себе ясачных бурят, кочевавших между Селенгинском и Удинском⁵⁷. Головин оказался отрезанным от своего полка, который зимовал в Удинске.

Осада Селенгинска продолжалась три месяца, монгольские отряды ходили на приступ, но взять острог не смогли. Наконец в конце марта из Удинска подоспела помощь, войско Батура-хунтайджи не выдержало натиска московских стрельцов и отошло от острога⁵⁸.

⁵⁴ Публикуемый статейный список, л. 325/331 об.

⁵⁵ Там же, л. 333/340 об.

⁵⁶ См. там же, л.л. 382/389—383/390.

⁵⁷ См. там же, л.л. 460/467—462/469.

⁵⁸ См. там же, л.л. 463/470 об.—466/473.

Посланный Головиным в Цинскую империю успешно выполнил свою миссию и 28 июня 1688 г. возвратился в Удинский острог⁵⁹. Вопреки наказу, полученному от Головина, С. Коровину пришлось проехать для переговоров в Пекин, где им было достигнуто соглашение с цинскими сановниками о том, что место для посольского съезда будет избрано близ Селенгинска и маньчжурское посольство будет состоять из 5 человек и 500 человек охраны⁶⁰.

В связи с этим 18 мая 1688 г. последовал императорский указ о назначении главой цинского посольства придворного вельможи Сонготу, а его помощниками дутуна Тун Го-гана, председателя министерства Арни, генерала-прокурора Маци и командира охранного отряда Мала, для сопровождения которых выделялось 200 солдат из 1-го отряда восьмизнаменного войска, 400 солдат из охранной стражи и 200 артиллеристов, 15 полковников, 2 офицера из телохранителей и 8 ротных командиров. Командовать этими отрядами поручалось дутунам Лантаню и Баньдарше и фудутунам Нацинь и Чжалакту⁶¹. Как видно, маньчжуры не очень точно придерживались соглашения с Коровиным о количестве охранных войск при посольстве. Но этим дело не ограничилось. По указу богдыхана 4 тыс. монгольских всадников под командованием цинских офицеров должны были двинуться к Нерчинску, а войска, отведенные от Албазина, вновь возвращались туда⁶².

В качестве инструкции цинскому посольству был утвержден доклад Сонготу, выдвигавший территориальные притязания маньчжуров: «Нерчинск, захваченный русскими, по сути дела, является кочевьем подвластного нам племени маоминань, а Албазин издавна принадлежал даурскому главнокомандующему Бэйлеру, но отнюдь не принадлежал русским и также не был свободным пространством между двумя границами. Тем более такая важная река, как Амур, должна принадлежать нам, отнюдь не следует пренебрегать ею. По Амуру вниз можно пройти до реки Сунгари, по Сунгари до Нонни, этим путем можно проникнуть и на реку Курха, и в Улу, и Нингуту, и к сибо, и в земли корцинцев, солонов и дауров и если направиться к устью Амура, то можно достичь моря. Кроме того, и Ханкунь, и Нимань, и Цзинкирула — все три реки также впадают в Амур. Вокруг этой реки все земли по правому и левому ее берегам принадлежат подвластным нам орчонам, килэрам, биларам, а также хастэ и фэйяке. Если не владеть этим пространством, то пограничные жители никогда не смогут спокойно жить. И поэтому мы, учитывая, что Нерчинск, Албазин и все земли в верховье и низовье Амура, а также по рекам и речкам, впадающим в него, принадлежат нам, ни в коем случае не должны уступать их русским»⁶³.

Таким образом, маньчжуры пытались обосновывать свои притязания на Приамурье необходимостью обладать этими землями для обеспечения безопасности внутренних районов Маньчжурии и принадлежностью этих территорий якобы подвластным им племенам. Однако необходимость обладания не дает еще прав на территорию, что же касается зависимости местных племен от цинских властей, то в большинстве районов таковой фактически не было, а там, где она и была, ее установили лишь в отдельных районах на правом берегу Амура в период подготовки цин-

⁵⁹ См. там же, л. 533/540.

⁶⁰ См. там же, л. 527/534.

⁶¹ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 8 (вводный), стр. 1а.

⁶² См. публикуемый статейный список, лл. 528/535 об. — 529/536.

⁶³ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, цз. 8 (вводный), стр. 1а—1б.

ских властей к вооруженным действиям, когда создавались военные опорные пункты, и на левобережье, занятое уже в течение трех десятилетий русскими, она не распространялась. То, что маньчжуры пытались в ряде случаев получать ясак с населения, жившего в устье Зеи и низовье Амура и уже объясаченного русскими, не давало им прав на эти районы, так как здесь речь могла идти лишь о двоеданстве некоторых местных племен, проживавших в русских пределах. Более того, принятие этого принципа предоставляло бы гораздо больше права русским на низовья Сунгари и другие районы правого берега, где казаки довольно регулярно собирали дань в виде соболей и продовольствия, вели охотничий промысел и имели поселения.

Территориальные притязания маньчжурского посольства сопровождались требованиями о выдаче перебежчиков Гантимура и др. Учитывая заинтересованность Русского государства в развитии торговых отношений с Китаем, Сонготу подчеркивал, что разрешение на открытие торговли может быть дано, «если все наши требования будут удовлетворены». В случае же отказа цинское посольство должно было возвратиться, не вступая в мирные переговоры.⁶⁴

Но цинскому посольству пришлось с полпути возвратиться в Пекин: вторжение армии ойратского хана Галдана в Халху и его победа над союзными маньчжурам халхаскими ханами не только помешали проезду посольства через Монголию, но и существенно меняли ситуацию в пограничном районе. Галдан распространил слухи, что он действует в союзе с Россией и что русское войско во главе с Головиным также выступило против Тушету-хана и Ундур-гэгэна.⁶⁵

Остановившись на китайско-монгольской границе, Сонготу направил Головину письмо с изложением обстоятельств своей задержки. Маньчжурские посланцы (100 человек) в конце июля 1688 г. побывали в Удинске и получили ответное письмо от русского посла об отправлении им гонца в Пекин.⁶⁶ Получив это известие, император приказал Сонготу вернуться в столицу.⁶⁷ Цинское правительство решило занять выжидательную позицию в связи с событиями в Монголии, в то же время оно опасалось возможности русско-ойратского союза.

События показали, что наметившийся было маньчжуро-монгольский союз с самого начала был на руку только Цинам: вооруженные выступления халхаских феодалов против русских в Забайкалье задержали прибытие русского посольства и сопровождавшего его отряда в Приамурье, что облегчило сосредоточение там цинских войск, для монгольских же феодалов они принесли лишь дипломатическую и военную неудачу. Победа Галдана над Тушету-ханом, в результате которой Чихунь Доржи и Ундур-гэгэн вынуждены были бежать к границам Цинской империи, ница защиты у маньчжуров, нанесла решительный удар этому антирусскому блоку. При создавшемся положении Головин мог бы проявить инициативу и, воспользовавшись затруднениями маньчжуров, укрепить русские остроги в Приамурье. Но он ничего не предпринял, а продолжал оставаться в Удинске.

Русское правительство следило за развитием событий на далекой окраине своих владений. В Удинск был прислан подъячий Иван Логинов, доставивший Головину дополнительные инструкции. По царскому наказу Головин в случае неявки цинских уполномоченных на границу должен

⁶⁴ См. там же, стр. 16.

⁶⁵ См. публикуемый статейный список, лл. 531/538—531/538 об.

⁶⁶ См. там же, лл. 579/586 об.—601/608.

⁶⁷ Хэ Цю-тао, *Шофан Бэйчэн*, изд. 8 (вводный), стр. 16.